

- обеспечение постепенного перехода к постиндустриальному, информационному обществу на основе реализации научных нововведений и новых технологий, неуклонного роста производительности труда и валового внутреннего продукта;
- достижение на основе повышения эффективности экономики и опережающего развития социальной сферы европейских стандартов материального обеспечения граждан и повышение качества жизни;
- формирование гражданского общества и создание эффективного правового государства, обеспечивающего реализацию указанных ориентиров;
- идея социального государства, которая является формулой народного согласия, так как она предусматривает движение к утверждению в обществе социальной справедливости; ослабление социального неравенства; предоставление каждому человеку работы или иного источника существования; сохранение мира и согласия в обществе; формирование благоприятной для человека жизненной среды.

УДК 18

МОЛЧАНИЕ КАК ЭСТЕТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

О.И. Уткевич

Хорошо известно, что молчание является важнейшим элементом всякого коммуникативного взаимодействия. «Слово – серебро, а молчание – золото» – гласит народная мудрость. И это действительно так, если речь идет именно о человеческом слове. Дело в том, что человеческая речь не способна вместить в себя полностью бытие внешнего мира, ибо подлинное бытие намного полнее наших слов. Более того, она не в состоянии сказать главное и о самом человеке. Таким образом, можно утверждать, что подлинное человеческое молчание выше произнесенного слова, а, значит, полнее и жизненнее последнего. Именно о таком молчании и говорит народная мудрость.

Отметим, что любое коммуникативное взаимодействие носит полифонический характер: оно включает в себя кроме логоса, праксиса, этоса, еще и ярко выраженные эстетические элементы. На наш взгляд, не только в одних произнесенных словах, но и в молчании эти элементы находят свое универсальное воплощение. Данный феномен можно объяснить тем, что любое молчание тесно взаимосвязано с речью. Недаром в русском языке слова «молвить» и «молчать» имеют один и тот же корень. Такая взаимосвязь не всегда нами осознается, но от этого она не становится менее реальной. Величайшие мастера художественного слова, чувствуя ее, не только вводили в свои произведения мотивы тишины, молчания, безмолвия в качестве своеобразного эстетического фона, но и стремились выразить всю онтологическую наполненность молчания при помощи специфических литературных приемов, благодаря использованию которых молчание приобретало статус универсального природного феномена. Так, например, у величайшего русского поэта А.С. Пушкина молчат «поля в час утренний» («Певец»), пустыни («К морю»), месяц («Фавн и Пастушка», «К Делии»), рощи («Воспоминания в Царском Селе») и даже сама ночь охвачена поздним молчанием («Ночь»).

Очевидно, что не владеющая даром слова природа не знает безмолвия, а поэтому она не может молчать подобно человеку. Вот почему метафизическая онтологизация молчания в художественных произведениях по существу является

эстетической формой отождествления его с тишиной. Однако последняя у поэта оказывается наполненной особым смыслом: она становится как бы предвестником особого, высшего Слова. Того самого Слова, которое не может быть услышано человеком в состоянии непрерывного говорения, а может быть порождено лишь всеохватывающей тишиной.

Для того, чтобы понять объективную необходимость введения в эстетику категории «молчание», необходимо вспомнить о том, что в художественной литературе широкое применение получил метод «эстетической пограничности», сущность которого заключается в таком построении произведения, при котором граница между художественными стилями становится подвижно-расплывчатой. Она постоянно изменяется, а тем самым постоянно переходит в иное, качественно новое состояние.

Феномен такой эстетической пограничности (назовем ее внешней) достаточно подробно проанализирован в научной литературе. Однако в искусстве существует и иная, внутренняя пограничность, которая может проявляться в процессе перехода в произведении от одной эстетической противоположности к другой, например, от трагического к комическому, или от возвышенного к низменному. Именно широкое распространение в искусстве подобного рода перехода и требует, на наш взгляд, введения в эстетику категории «молчание». Данная категория должна раскрывать совокупность тех необходимых условий, при которых внутренняя эстетическая пограничность актуализирует себя по отношению к конкретному субъекту восприятия художественного произведения посредством феномена гармонии наполненности.

С другой стороны универсальная полнота эстетического восприятия человеком художественного произведения может быть достигнута лишь в том случае, когда оно носит сущностно-непрерывный характер. Однако человек по своей сущностной природе дискретен. Тело, душа и дух противостоят в нем друг другу: они конечно едины, но одновременно и разрывны в этом своем единстве. Как раз в отмеченной дискретности и кроется вся немощь нашего слова. Мы не способны к акту языкового креативного творения, а творящее из вне его лежащей основы слово может быть лишь дискретным. Формальный символизм слов и является наиболее ярким проявлением этой дискретности. Подлинное же молчание не носит узко-символического характера, а потому и непрерывно. Кроме того, в нем нет ничего такого, что можно выразить на языке гегелевских противоречий. Оно по своей сущностной природе онтологически просто, а, значит, и непротиворечиво. Именно благодаря этому в нем достигается тот уровень высшего единства обозначающего и обозначаемого, при котором всякая формальная символизация становится излишней. Таким образом, внутренняя непрерывность самого художественного произведения порождает феномен его непрерывного восприятия. Вот почему только лишь путем интроецирования в структуру литературного произведения молчания писатель способен совершить объект-субъектный акт непрерывного пограничного эстетического перехода.

Отметим, что в таком молчании предполагается совершенно иное хронологическое измерение бытия человеческого слова. В заключение отметим, что категория молчания в эстетике может быть также применена для описания исходного пункта и одновременно вершины процесса коммуникативного взаимодействия между автором художественного произведения и реципиентом.